

ГДЕ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ЧЕЛОВЕК

Кирил Трямкин

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кирил Трямкин

Где заканчивается человек

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72823142

SelfPub; 2025

Аннотация

Нью-Йорк, 1925 год. Бежавший из революционной России юноша по имени Пётр Соколов прибывает в Америку с пеплом в сердце и клятвой – больше никогда не быть слабым. Вместе со старшим братом Виктором и сестрой Марией он начинает с нуля: с портовой работы, контрабанды эмигрантов и подпольной винокурни. Но жажда справедливости быстро оборачивается жадой власти.

От алкомарки и ночных баров – к казино, борделям и союзу с Аль Капоне. От кровавой войны с итальянской мафией – к столкновению с самим ФБР. От любви и семьи – к одиночеству и тюрьме. От возрождения империи после Алькатраса – к наркотрафику, международным связям и тайным сделкам с советскими чиновниками.

Рассказанный от первого лица, роман «Где заканчивается человек» – это исповедь человека, который построил всё и потерял всех. Это история о том, как месть превращается в проклятие, а империя – в могилу. Это не гимн криминальному миру, а его похоронный звон.

Пётр Соколов не герой и не злодей. Он – предупреждение.

Содержание

Глава 1. Пепел вместо детства	4
Глава 2. Первый долг	8
Глава 3. Вино из тьмы	14
Глава 4. Жена, ребёнок, нож в спине	20
Глава 5. Кровавый обед в Чикаго	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Где заканчивается человек

Глава 1. Пепел вместо детства

Нью-Йорк, 1925. Мне двадцать один. Но в моих глазах – не молодость, а пепел. Потому что детство я оставил в России. И оно сгорело вместе с нашим домом.

Я помню 1917-й как кошмар, который никогда не кончается.

Мне было тринадцать. Виктору – восемнадцать. Мы жили в подмосковной усадьбе под Орехово-Зуево – не роскошной, но нашей. Отец, полковник Григорий Владимирович Соколов, служил в лейб-гвардии, потом ушёл в резерв и занялся коневодством. Мама Валентина Петровна – потомственная дворянка, но после революции 1905-го научилась доить коров и чинить изгороди. А Мария... ей тогда было всего восемь. Она ещё играла в куклы, когда вокруг уже пахло порохом.

Первая пуля влетела в наш дом в октябре.

Не в дверь. Не в окно.

А прямо в грудь отцу – когда он вышел на крыльцо с белым платком в руке. Он думал, что с ним станут говорить. Что поймут: он не с большевиками и не с кадетами – он просто хочет сохранить дом, семью, лошадей, которые кормили полдеревни.

Но красноармейцы не разговаривали. Они судили по по-
гонам.

И по фамилии.

Я видел всё. Стоял за занавеской в гостиной. Видел, как он упал. Как мама бросилась к нему. Как его кровь растекалась по ступеням, смешиваясь с первым снегом.

Виктор схватил меня за руку и потащил в подвал. «Молчи, – шептал он, дрожа. – Молчи, или умрёшь».

Мария плакала. Мама кричала. А я... я впервые почувствовал холод в груди. Не страх. Не горе.

А ярость. Ту, что не выходит наружу – она остаётся внутри и растёт, как опухоль.

Нас не убили. Почему – не знаю. Может, решили, что дети не опасны. Может, просто спешили грабить соседей.

Но дом сожгли.

Лошадей увели.

Семью – разрушили.

Мы бежали пешком. Сначала к тётке под Рязанью. Потом – на юг, к одному из отцовых сослуживцев, который обещал помочь с контрабандой через Чёрное море.

Два года мы жили в подвалах, на чердаках, в вагонах для скота. Без документов. Без имени. Без прошлого.

Мама продавала последние серёжки. Виктор воровал хлеб. Я учился молчать и смотреть в глаза, не моргая.

В 1919-м мы добрались до Константинополя. Там нас подобрал американский миссионер. Он верил в «спасение бе-

лых эмигрантов». Мы не верили ни во что.

Лишь в одно: мы больше никогда не будем слабыми.

1920 год. Эллис-Айленд.

Нас пропустили. Не из жалости – из расчёта. Америка нуждалась в рабочих руках, а не в людях.

Мы приехали без копейки. Без языка. Без надежды.

Жили в Бруклине, в подвале на Бедфорд-авеню. Два окна – одно заколочено, второе – в узкую щель. Вода капала с потолка даже летом. Зимой мы спали впятером под одним одеялом, прижавшись друг к другу, чтобы не замёрзнуть.

Мама шила для фабрики. Виктор устроился на пристань – грузил мешки с кофе и сахаром. Марии повезло – её взяли в католическую школу за «благотворительность». А я...

Я учился.

Английский – по газетам. Математику – по счёту монет в кармане матери. А жизнь – по глазам тех, кто смотрел на нас свысока.

К 1925-му я уже понимал: в этой стране нет справедливости. Есть только те, кто берёт – и те, у кого берут.

И я больше не хотел быть вторыми.

В тот мартовский день, когда я устраивался на работу в порт, дул ледяной ветер с залива. Я надел единственный костюм – отцовский, перешитый мамой.

На вопрос «Почему ты, а не другой?» – я не стал говорить о нужде.

Я посмотрел начальнику в глаза и сказал:

– Потому что я не украду. Не подведу. И не убегу.

Он усмехнулся.

– А если прикажут врать?

– Я совру лучше всех.

Он нанял меня.

Той ночью я вернулся домой и сказал Виктору:

– Завтра начнём.

– Что начнём? – спросил он, чистя сапоги.

– Строить то, что у нас отняли. Только не дом.

– А что?

– Империю.

Он посмотрел на меня как на идиота а потом кивнул.

– Только не становись таким, как они.

– Не стану, – соврал я.

Но уже тогда я знал: чтобы выжить в мире, где правят пули и доллары, нужно самому стать и тем, и другим.

Или погибнуть.

Я выбрал первое.

И заплатил за это всем – каждым воспоминанием, каждой совестью, каждой слезой, которую больше не мог пролить.

Потому что в Америке не плачут.

Они строят.

Или рушат.

Глава 2. Первый долг

Порт – это не просто место, где сходятся корабли. Это рынок доверия. И предательства. Там каждый знает: сегодня ты – хозяин, завтра – труп в трюме. А я... я научился читать людей быстрее, чем волны бьются о причал.

Первые месяцы на пристани я молчал.

Не из страха – из расчёта.

Я наблюдал: кто крадёт мешки с кофе, кто подмазывает надзирателей, кто привозит в бочках не только оливковое масло, но и людей. Особенно – людей.

В Нью-Йорке в 1925-м было полно русских. Не только белогвардейцев вроде нас – бежали крестьяне, рабочие, интеллигенты, даже чекисты, решившие, что на Западе легче дышится. Многие приезжали без документов, без денег, без имени. Их ловили на берегу, как крыс. Но если повезёт – находили «ангела».

Меня сделали таким ангелом случай и Виктор.

Однажды вечером, уже за полночь, я задержался – проверял, не осталось ли груза от «Скандии», норвежского парохода. Вдруг слышу шорох за контейнерами. Подхожу – и вижу его: тощий, в рваном пальто, с лицом, иссушённым голодом и страхом. На вид – лет сорок. Глаза – как у загнанного зверя.

– Не кричи, – прошептал он по-русски. – Я не вор. Я...

бежал.

Я узнал акцент – ленинградский.

Он представился: Николай Фёдорович Марков. Бывший преподаватель истории в Педагогическом институте. Арестован в 1923-м за «антисоветские высказывания». Провёл год в Соловках. Сбежал через Архангельск, на рыболовецкой шхуне.

– У меня... ни цента, – сказал он, опуская голову. – Только вот.

Он протянул мне потрёпанную записную книжку – в ней были адреса двух эмигрантских семей в Бруклине. И фотография жены и сына.

– Они погибли в 1919-м, – тихо добавил он. – Я... остался один.

Что-то внутри меня дрогнуло. Не жалость. Это было глубже.

Это было узнавание.

Я не сдал его.

Наоборот – накормил, спрятал в нашем подвале на два дня, пока не утихла погоня (оказалось, норвежцы сообщили властям о «несанкционированном пассажире»).

А потом... предложил сделку.

– Я устрою вас на фабрику. Заработок – 18 долларов в неделю.

Его глаза блеснули.

– Но?..

– Тридцать процентов – мне. Минимум полгода. И вы молчите. Никому – ни слова. Ни про меня, ни про корабль.

Он кивнул. Без колебаний.

– Спасибо, – сказал он. – Вы... вы как ангел.

Я почти улыбнулся.

– Ангелы не берут проценты, Николай Фёдорович. Я – бизнесмен.

Так началась наша «иммиграционная служба».

Виктор сначала был против.

– Ты играешь с огнём, – ворчал он, чистя пистолет (да, к тому времени у него уже был пистолет – «кольт» 1911-го, купленный за 60 баксов у ирландца). – Если поймают – депортация. Или хуже.

– Нас не поймают, – ответил я. – Мы будем не посредниками. Мы будем системой.

Мария, тогда ещё подросток, сразу поняла масштаб. Она завела тетрадь – чёрную, с замком. В ней значились:

– Имя эмигранта

– Откуда прибыл

– Сумма долга

– Срок выплат

– Примечания («надёжен», «говорлив», «боится полиции»)

Она вела учёт с холодной точностью бухгалтера и жестокостью историка.

Через нас прошли сотни.

Сначала – по одному. Потом – группами.

Мы находили им работу на фабриках, на стройках, в ресторанах. Брали 30%, потом – 40%, когда поняли, что они не уйдут: им было некуда.

Америка не принимала их. Мы – да. За цену.

Я сам ездил на встречи с капитанами. Учился говорить на их языке – не только английском, но и языке выгоды.

– Вы везёте груз. А я... везу людей, которые будут платить за тишину, – говорил я одному итальянцу. – Вы рискуете кораблём. Я – жизнью. Давайте делим риск.

Он рассмеялся. Но согласился.

Первый настоящий конфликт случился в сентябре.

Один из наших – парень из Волгограда, бывший красноармеец, что передумал служить советам – решил сбежать. Не заплатил последние три недели. Устроился на склад у поляков – по полной ставке.

Я нашёл его через Виктора.

– Ты забыл, что мы спасли тебя? – спросил я, стоя у его двери.

– Вы купили меня, – ответил он, дрожа. – Я не раб.

– Нет, – сказал я. – Ты должник. И долг – не в долларах.

А в верности.

Он попытался захлопнуть дверь.

Виктор выломал её ногой.

Той ночью мы не убили его.

Мы сделали хуже.

Связали, отвезли на пустырь у Ньюарк-Бей и оставили на сутки без воды и еды. Утром – вернулись.

– Теперь ты расскажешь всем, что мы жестокие? – спросил я.

Он плакал.

– Нет... нет... я заплачу.

– Хорошо, – кивнул я. – Но теперь – 50%. И срок – пожизненный.

Он согласился.

А на следующей неделе покончил с собой, повесившись в уборной на фабрике.

Мама узнала. Вызвала меня на кухню.

– Ты стал таким, как те... кто убил твоего отца.

– Нет, мама, – тихо ответил я. – Те убивали без причины.

Я – только по необходимости.

– А разве это не одно и то же?

Я не ответил.

Но в ту ночь я впервые записал в свой дневник (да, у меня тоже был дневник – в кожаном переплёте, подарок Марии на день рождения):

Правда не в том, кто первый стреляет.

Правда – в том, кто выживает.

А совесть... совесть – роскошь для тех, у кого есть дом».

К концу 1925 года у нас уже было восемь постоянных «клиентов».

К 1926-му – тридцать.

А к 1927-му – мы перестали считать.

Потому что начали думать не о людях.

А о власти.

Той зимой я встретил Анну.

Она служила в церкви Святого Николая, помогала ново-
прибывшим.

Красивая. Светлая. Глаза – как у Марии, только мягче.

– Ты добрый человек, Пётр, – сказала она однажды, глядя,
как я отдаю пальто старухе с парохода.

Я не стал её разочаровывать.

Просто улыбнулся.

Но в душе уже знал:

каждый, кто назовёт меня добрым,
обязательно пожалеет об этом.

Глава 3. Вино из тьмы

Алкоголь не делает человека злым. Он лишь снимает маску. А у меня маска давно приросла к лицу.

1926 год выдался жарким – не только от погоды, но и от закона.

Сухой закон уже шесть лет душил страну, и вместо трезвости породил нечто худшее: рынок, где власть переходила не к честным, а к тем, кто не боялся крови.

Мы не искали этого.

Но когда тебе платят вдвое за мешок сахара, если ты знаешь, куда его везти, – ты начинаешь задавать правильные вопросы.

Всё началось с одного разговора в порту.

Старый норвежец по имени Эйнар, капитан рыболовецкого судна *«Морской Орёл» подошёл ко мне на перекуре. Он говорил с сильным акцентом, но глаза его были трезвыми, как сталь.

– У тебя руки чистые, русский, – сказал он, выпуская дым. – Но взгляд – нет. Ты хочешь больше, чем мешки с кофе.

Я не стал отрицать.

– Что ты предлагаешь?

– Сахар. Дрожжи. Медицинский спирт. Всё это везут под видом «промышленных грузов». Никто не проверяет. А в

Бронксе есть люди, которые платят за это... как за золото.

– Я не варщик, – ответил я.

– Зато у тебя есть голова. И брат с кулаками. А это – уже половина дела.

Через неделю мы арендовали заброшенный склад под мостом Уильямсбург.

Снаружи – ржавые цистерны, внутри – бетонный пол и два окна, заложённых кирпичом. Виктор привёл троих парней из русского квартала – надёжных, молчаливых, голодных. Мария сразу предупредила:

– Если хоть один из них проговорится – мы все сядем. Или умрём.

– Тогда мы сделаем так, чтобы им было выгоднее молчать, – ответил я.

Первую партию вина варили в ванне из оцинкованного железа.

Сахар – из портовых складов. Дрожжи – из пекарни на Флэтбуш. Спирт – из аптеки, купленной за взятку владельцу.

Когда брага начала бродить, в подвале стоял такой смрад, что Мария три дня отказывалась спускаться. Но когда дистиллят прошёл через самогонный аппарат (привезённый Виктором откуда-то из Бостона), и в бутылке заблестела прозрачная, горькая жидкость – мы поняли: это не просто спирт.

Это – капитал.

Наш первый клиент – владелец подпольного бара на Манхэттене, поляк по имени Лешек.

– Русская водка? – усмехнулся он, нюхая пробу. – У вас же в России только картошку варили!

– Теперь варим правду, – ответил я.

Он отхлебнул. Закашлялся. Потом – посмотрел на меня по-новому.

– Привози каждую неделю. По десять галлонов. И чтобы чище, чем слёзы матери.

Цена?

Шесть доллара за галлон. Чистыми.

В то время официант получал 20 в неделю.

Мы заработали больше за одну ночь, чем за всё время на пристани.

Но с деньгами пришла и опасность.

Однажды ночью, возвращаясь с доставки, Виктор заметил хвост – чёрный «Форд Т» следовал за нами с Бруклина до дому.

– Кто? – спросил я.

– Не знаю. Но не полиция.

На следующий день к нашему складу подошёл человек в сером пальто. Представился как «мистер Райан». Говорил с ирландским выговором.

– Парни, вы на чужой траве пасётесь, – сказал он, не повышая голоса. – Этот район – под защитой семьи Маллигана.

– Мы не ворует, – ответил я. – Мы продаём то, что другие не могут сделать.

– А мы продаём то, что другие не могут пережить, – улыба-

нулся он. – Так что либо вы платите нам 20% от оборота... либо ваш склад сгорит.

Я посмотрел на Виктора. Он чуть заметно кивнул.

– Мы подумаем, – сказал я.

Райан ушёл.

В ту же ночь Виктор и я перехватили его у дома в Куинсе. Не убили.

Просто переломали пальцы, руки, отбили почки и выбили несколько зубов и оставили записку:

"Трава растёт там, где сеют семена. А мы – садовники"

Маллиганы не вернулись.

По крайней мере – пока.

Анна стала моей женой весной 1927 года.

Свадьба была скромной: церковь, несколько друзей, обед в русском ресторане на Лексингтон.

Она верила, что я открыл «импортную торговую фирму».

Я не стал её разубеждать.

Но в первую брачную ночь, когда она уснула, я вышел на балкон и долго смотрел на город.

Огни Нью-Йорка мерцали, как пламя на свечах.

И я вдруг понял: я уже не могу остановиться.

Потому что, если остановлюсь – всё, что мы построили, рухнет.

А если пойду дальше – потеряю то, что осталось от чело- века.

К осени мы уже варили не только водку, но и дешёвое ви-

но – «кровь Христа», как шутили наши клиенты.

Потом начали производить виски и варить пиво.

Открыли второй склад. Наняли ещё пятерых.

Мария вела двойную бухгалтерию: одна – для налоговой (фиктивная фирма по импорту сельхозпродукции), вторая – настоящая.

А однажды ночью я проснулся от звука выстрела.

Выбежал во двор – и увидел Виктора, стоящего над телом в переулке.

– Кто это? – спросил я.

– Шпион. От итальянцев. Следил за складом.

– Ты... убил его?

– Он сам выбрал, – ответил Виктор, вытирая руки. – Либо молчать, либо умереть. Он выбрал третье – предать.

Я посмотрел на тело. На кровь, растекающуюся по брусчатке.

И впервые подумал:

А что, если я уже не человек?

В тот же день я записал в дневник:

Алкоголь – не грех. Грех – это то, что ты готов сделать ради него.

Я начал с сахара.

Теперь продаю страх.

И скоро... начну продавать жизни».*

Анна забеременела к зиме.

Я радовался. Или делал вид.

Но в душе знал: мой ребёнок родится в мире, который я сам превращаю в ад.

И, возможно...

он станет следующей жертвой этой игры.

Глава 4. Жена, ребёнок, нож в спине

Любовь – это когда человек смотрит тебе в глаза и видит в них свет.

А власть – когда он смотрит и видит тень.

Я пытался удержать и то, и другое.

Но тень всегда побеждает.

1928 год начался с метели.

Снег валил три дня без остановки, заваливая улицы Бруклина, глуша звуки города, будто сам Бог пытался замести следы того, что происходило в его тени.

А мы в это время расширились.

К концу 1927-го наша «винокурня» превратилась в сеть.

Четыре склада. Три лаборатории по очистке спирта. Пункты разлива в Бронксе, Куинсе и даже на южном Манхэттене. Через нас шли не только водка и вино – мы начали поставлять медицинский спирт частным клиникам, которые тут же перепродавали его в подпольные бары под видом «антидепрессанта», а также крупными партиями поставляли виски и пиво.

Мария, к моему удивлению, показала себя гением структурирования.

– Ты не можешь быть везде, – сказала она однажды, рас-

кладывая наличку на столе. – Значит, нужно создать иерархию. Каждый уровень – не знает следующий. Только своего «ангела».

– Как в церкви? – усмехнулся я.

– Нет, – серьёзно ответила она. – Как в армии.

Так появилась первая ячейка – «Кедр». Пять человек. Только русские. Только проверенные.

Потом – «Ясень». Потом – «Берёза».

Каждая ячейка работала независимо. Даже Виктор не знал всех имён.

Мама смотрела на нас всё чаще с тоской.

– Вы строите не империю, – говорила она за ужином. – Вы строите гроб. И сами в него лезете.

Мы молчали.

Что ответить? Она была права. Но остановиться – значило умереть.

Анна родила сына в марте 1928-го.

Назвали Григорием – в честь её отца.

Я держал его на руках в больнице, чувствуя, как что-то внутри сжимается.

Он был таким маленьким. Такой чистый.

А я... я пах порохом, спиртом и чужой кровью.

– Он будет свободным, – прошептал я Анне. – Настоящим американцем. Не как мы.

Она улыбнулась.

– Ты уже хороший отец, Пётр.

Но в тот же вечер я получил сообщение от Виктора:

«Маллиганы вернулись. Сожгли склад на Флэтбуш. Двое наших – мертвы. Один – в больнице, без языка».

Я приказал отомстить.

Не через людей. Через страх.

Через неделю мы подложили взрывчатку под грузовик Маллиганов с партией контрабандного рома. Взорвали его посреди ночного рынка в Гринвич-Виллидж. Никто не погиб – мы предупредили заранее, чтобы избежать невинных жертв. Но весь район увидел: Маллиганы больше не хозяева.

Их авторитет рухнул.

Наши поставки – удвоились.

Но цена росла.

Однажды Анна застала меня в подвале.

Я проверял новую партию спирта. Руки были в перчатках, на поясе – пистолет.

– Ты... продаёшь алкоголь? – спросила она, бледнея.

– Я обеспечиваю семью, – ответил я.

– Это нелегально! Это... это преступление!

– А что было преступлением в 1917-м, когда нас выгнали из дома. Справедливость? – голос мой сорвался. – В этом мире нет закона, Анна. Есть только выжившие и трупы.

Она заплакала.

– Ты обещал... ты говорил, что мы начнём честную жизнь!

– Честная жизнь – это когда тебя не гоняют, как собаку! –

крикнул я. – Когда твой ребёнок не умрёт с голоду, потому что у тебя нет долларов!

Она молча ушла.

В ту ночь я не вернулся домой.

Спал в офисе на Луис-стрит – в комнате без окон, с сейфом и запасным «кольт» под столом.

Летом началась настоящая война.

Не с Маллиганами.

С собой.

Один из наших – парень по имени Савельев, бывший солдат Деникина – решил, что пора «работать на себя».

Он увёл с собой двух человек и начал варить своё вино. Продавал дешевле. Говорил, что «Соколовы жадные».

Виктор хотел убить его сразу.

Я остановил.

– Нет, – сказал я. – Пусть живёт. Но пусть все узнают: предательство – не бизнес-риски. Это болезнь. И мы – карантин.

Мы устроили показательную акцию.

Во время общей встречи всех ячеек (маски, плащи, без имён – только номера) Виктор вывел Савельева на середину пустого склада.

– Он предал семью, – сказал Виктор. – Не босса. Семью. И тогда я сделал то, что до сих пор преследует меня во сне. Не убил.

Я заставил его выпить два литра неразбавленного технического спирта.

Он умирал три часа.

Сначала – кричал. Потом – молил. Потом – просто смотрел на меня, как на демона.

Когда он перестал дышать, я сказал остальным:

– Кто хочет уйти – уходите. Сегодня. Без угроз. Без долгов.

Но если останетесь – знайте: предательство умирает медленно.

А верность... награждается по-царски.

На следующий день ушли трое.

Остались – тридцать.

Анна подала на развод осенью.

Я не спорил.

Даже не просил остаться.

Потому что понял:

в её глазах я уже не муж.

Я – то, от чего нужно спасать ребёнка.

Перед тем как уехать к своей сестре в Бостон, она сказала мне в последний раз:

– Ты думаешь, что строишь крепость.

Но на самом деле ты копаешь себе могилу.

И однажды... в неё ляжешь один.

Я не ответил.

Потому что знал: она права.

Но к тому времени я уже не мог быть другим.

Не потому что хотел власти.

А потому что боялся стать слабым.

А слабость – в нашем мире – смертный приговор.

В тот же вечер я записал в дневник:

Я потерял жену.

Но сохранил империю.

Скоро пойму: это была не победа.

Это – первая могильная плита.

А в декабре 1928-го мы получили первое приглашение от Чикаго.

Имя на конверте — "Альфонсе Капоне".

Он слышал о «русском, что варит жидкое серебро».

И хотел встретиться.

Я посмотрел на Нью-Йорк из окна.

На снег.

На трубы фабрик.

На тени, что бегут по улицам.

И понял:

это не конец.

Это – только начало нового ада.

Глава 5. Кровавый обед в Чикаго

Америка любит тех, кто умеет улыбаться и стрелять одной и той же рукой.

Аль Капоне умел.

Я только учился.

Я ехал в Чикаго в феврале 1929 года.

Поезд «20th Century Limited» шёл через всю страну, как корабль сквозь туман. За окном – бескрайние поля, занесённые снегом. Внутри – тепло, виски в хрустальном бокале, и трое парней за спиной, готовых умереть за меня.

Виктор остался в Нью-Йорке.

– Ты едешь не на войну, – сказал он. – А на поклон. Не бери с собой стволы. Это – признак слабости.

Но я всё равно спрятал «кольт» в чемодане.

Не из страха.

А на случай, если Капоне решит, что русские – слишком гордые гости.

Чикаго встретил меня дымом и ледяным ветром с озера.

Город пах углём, кровью и деньгами.

Меня встретил человек по имени Фрэнк Нитти – худощавый, с глазами как у хищной птицы. Без лишних слов он повёл меня в «Lexington Hotel» – штаб-квартиру Капоне.

– Альф ждёт тебя к обеду, – сказал он, открывая дверь на десятом этаже. – Не опаздывай. Он не любит, когда его

время стоит дешевле водки.

Комната была роскошной: паркет из красного дерева, бар из итальянского мрамора, картины в золочёных рамах. Но больше всего поразило тишина.

Ни одного охранника. Ни одного пистолета на виду.

Капоне стоял у окна, спиной ко мне. В пальто, без шляпы.

– Ты выше, чем я думал, – сказал он, не оборачиваясь. – И тише.

Он повернулся.

Лицо – мягкое, почти добродушное. Глаза – холодные, как лёд на Мичигане в январе.

– Присаживайся, Пётр Григорьевич. Или... как тебя там? Соколов?

У американцев не было такого понятия как отчество и по этому обращаться ко мне ему было довольно таки сложно

– Просто Пётр, – ответил я, садясь.

– Просто Пётр, – повторил он с улыбкой. – Который за два года построил империю из сахара и слёз. Восхищаюсь.

Обед подали немедленно: мидии, паста, жареный осьминог, и бутылка «Château Margaux 1911».

Мы ели молча. Потом он налил себе виски.

– Я знаю, зачем ты приехал, – сказал он. – Хочешь продать мне своё вино. Но дело не в вине.

Ты хочешь, чтобы я *признал* тебя.

Я кивнул.

– В Нью-Йорке много банд. Но русских – нет. Не настоя-

щих.

– А ты – настоящий?

– Я не ношу медальон с царём, – ответил я. – Не пью за «за веру и отечество». Я продаю то, что пьют. И убиваю тех, кто мешает. Это – не идеология. Это – бизнес.

Капоне рассмеялся. Громко, искренне.

– Вот почему мне нравятся русские! Вы не верите в Бога, но уважаете чёрта.

Он поднял бокал.

– Я беру твою водку. По три доллара за галлон. Но с условием.

– Слушаю.

– Ты не лезешь в мой район. И я – не в твой.

Но если кто-то тронет одного из нас – мы отвечаем вместе.

Понял?

– Понял.

– Тогда... за дружбу.

Мы выпили.

Но я знал: это не дружба.

Это – союз.

А союзы в нашем мире держатся не на словах.

А на страхе.

После обеда он повёл меня вниз – в подвал отеля.

Там, в полумраке, стояли десятки бочек.

– Это – моё золото, – сказал он. – Но твоё – чище. Почему?

– Потому что мы не экономим на дрожжах, – ответил я. –

И на молчании.

Он кивнул.

– У тебя есть будущее, Пётр. Но будущее – опасная штука.

Оно требует... жертв.

Я понял, что он имеет в виду.

– Моя жена ушла, – сказал я. – С сыном.

– Женщины не созданы для этой жизни, – вздохнул он. –

Они хотят сады. А мы строим кладбища.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.